

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПЕРЕЛОМ ЛЮБВИ

*со
сменением*

АЛЁНА НЕФЁДОВА

Алёна Нефёдова

Перелом любви со смещением

«Автор»

2020

Нефёдова А.

Перелом любви со смещением / А. Нефёдова — «Автор», 2020

Мой идеальный брак рухнул в одночасье, когда любимый муж вдруг решил подарить мне “свободу”. А я не знаю, что с ней делать и как существовать без него. Все в жизни изменилось: у меня теперь новый дом, новая работа и новый босс, оказывающий странные знаки внимания. А еще начались пугающие ночные звонки от таинственного преследователя. И не только звонки... Куда я вляпалась? Содержит нецензурную брань.

© Нефёдова А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алёна Нефёдова

Перелом любви со смещением

Пролог

Меня трясло так, что немолодое уже лицо мистера Уильямса, окруженное редкой бородкой и высокими залысинами на лбу, прыгало перед глазами и сливалось в одно сплошное белесое пятно. А все только что сказанное им звучало так, будто кто-то пытался разговаривать со мной на польском языке – вроде отдельные слова выхватываю, но смысл ускользает. Сочувствующий, убаюкивающий голос адвоката эхом отдавался в ушах:

– Поверьте, миссис Галлахер, мы ни в чем не ущемили ваши права, и бракоразводный процесс осуществлен в полном соответствии с законом. Ваш бывший супруг, мистер Галлахер, был весьма щедр и обозначил... – адвокат слегка замялся, но продолжил, – в том случае, если вы примете некие его условия – о-о-о, сущие пустяки, вам ничего не будет это стоить – достаточно приличную сумму на ваше содержание. Таким образом, уровень вашей жизни останется прежним, вы ничуть не пострадаете. Вашим детям также назначена определенная сумма на расходы, к тому же на имя Эйприл учрежден трастовый фонд, так что ей будет доступно самое блестящее образование по ее выбору...

– Нет-нет-нет-нет-нет, это все неправда, этого не может быть, – бессвязно пролепетала я, повторив про себя отрывки услышанных фраз: «содержание», «не пострадаете». Не пострадаю?! – Это ошибка, это... это какое-то недоразумение. Фергал не мог... Он уехал просто в командировку, он сказал, что какое-то время с ним не будет связи. Так бывает. Иногда так бывает. Да. Он позвонит мне. Он все объяснит. Это... Это ошибка. Это ведь ошибка? Я ничего не знала о бракоразводном процессе... меня там не было...

Уильямс лишь сочувственно покачал головой, перебирая при этом какие-то документы на столе.

Предательские слезы потекли горячими ручейками, а мне казалось, что это льется кровь. Или мозг. Потому что все происходящее просто не могло случиться с нами, со мной, с нашими обожаемыми детьми. Айвен только недавно поступил в Военно-морскую академию в Аннаполисе, у Эйприл выпускной класс старшей школы. Фергал ни за что не бросил бы своих детей вот так. Это просто невозможно. Это... это чушь какая-то! Нонсенс! Этого не должно было случиться с нашей семьей, с нашей жизнью, с нашей любовью.

Не должно.

Не могло.

Или могло?

Или это я усиленно игнорировала участвовавшие последние полгода деловые поездки мужа в места, где отсутствует связь, его поведение, вдруг изменившееся, его странные взгляды, которые он бросал на меня, думая, что я их не вижу – оценивающие, немного сердитые, а иногда будто сожалеющие... Значит, он смотрел так не потому, что я прибавила несколько фунтов в связи с вынужденным перерывом в занятиях танцами и ежедневных пробежках из-за легкой травмы голеностопа? Он уже тогда собирался сделать это?

Да нет же! Кто угодно, только не Фергал! Он любит меня. Он всегда говорил, что будет любить меня всякой. Он сам запретил мне тренироваться, сказал, что мне нужно восстановиться...

Внезапно довольно просторный адвокатский кабинет, куда меня пригласили сегодня утром, стал казаться невыносимо тесным, а сам мистер Уильямс, который периодически играл

с Фергалом в гольф и с чьей женой мы мило беседовали на благотворительных вечерах, вдруг начал вызывать у меня отвращение.

– Позвольте не согласиться, – все так же мягко, но в то же время настойчиво продолжил адвокат. – Ваши интересы в суде представляла мисс Карлайл. Она же проследила за полным оформлением всех бумаг.

Я вздрогнула и зажала в кулаке платок, который успела достать из сумочки в тщетном намерении вытереть слезы. Лаванда! Моя давняя приятельница, которая имела собственную адвокатскую практику и порой выручала меня, когда приходилось оспорить какое-нибудь мелкое дорожное происшествие или разрулить тяжбу с соседями за вырубку деревьев вдоль общего забора. Разумеется, в свое время я предоставила ей полное право представлять меня в судах, но я же доверяла ей и подумать не могла, что она за моей спиной станет участвовать от моего имени в бракоразводном процессе с моим собственным мужем! Детали случившегося по-прежнему не желали укладываться в голове.

– Извините, мне нужно позвонить, – просипела я, вынимая мобильный и трясущимися руками набирая номер Лаванды. Долгие гудки были мне ответом, а после того, как я сбросила звонок и повторно набрала номер, система переключила меня на автоответчик. Раньше она никогда не поступала так со мной, всегда отвечала мне после второго, максимум третьего гудка, даже если был поздний вечер. Неужели теперь прячется? Следовательно, она и в самом деле причастна к моему разводу?!

Разводу?

Я разведена?

Я не-хочу-не-могу-не-буду больше думать об этом прямо сейчас. Я должна вернуться домой и постараться дозвониться до Ферги. Я должна увидеть дочь и услышать ее голос. Я должна...

Я встала, не обращая внимание на то, что ноги казались ватными и будто не имеющими костей внутри. Голова кружилась, в ушах нарастал какой-то странный звук – словно назойливый писк комара или будильника. Может, это просто кошмар? Страшный сон? И я сейчас проснусь и увижу Фергала? И он мне все объяснит?

– Миссис Галлахер, вам плохо? – снова зазвучал заботливый голос адвоката моего мужа... моего бывшего мужа, судя по всему. – Вы побледнели. Может, воды? Вызвать врача?

– Не надо вра... – злобные мельтешащие кляксы вгрызлись в пекущие от слез глаза и, проникнув прямо в центр пылающего черепа, разорвались блаженной темнотой.

Глава 1

Полгода спустя

В мою тесную каморку, громко именуемую отдельным кабинетом, из-за которого я по бытующим в женской части коллектива слухам вот уже полгода как числилась в любовницах то ли шефа, то ли одного из его директоров, без стука ввалился мистер Катош.

Дьявол, надо было запереться на ключ, закрыть жалюзи и оставить только настольную лампу, тогда снаружи выглядит так, будто в кабинете никого нет. Могу же я иногда выйти? Хотя бы в уборную, да?

– Тания, напомните-ка, вы же у нас наполовину русская? – спросил он, вальяжно развалившись на единственном стуле для посетителей.

– Если быть точной, то на четверть, сэр. По бабушке. Она русская. Была, – мысленно чертыхаясь из-за внезапного вмешательства в рабочий процесс, ответила я, продолжая одновременно набирать текст и заученно улыбаться – не улыбаться нельзя, иначе сидящий сейчас у меня директор по персоналу сделает замечание на тему моей недружелюбности и нелюдимости. А как можно улыбаться дружелюбно и непринужденно, когда до окончания рабочего дня осталось полтора часа, а мне почти две с половиной страницы надо еще успеть перевести? И, можно подумать, он не пересмотрел только что мое дело от корки до корки прежде чем зайти ко мне. Ну да, ну да. Так я и поверила. Скорее уж Тунгусский метеорит повторно упадет на Землю, чем наш вездесущий ЭйчАр (Human Resources – отдел, отвечающий за работу с персоналом в компании. Прим. Автора) спросит у сотрудника то, чего не знает о нем сам.

– Так это же очень удачно! Нам как раз требуется специалист, который... э-э-э... не только говорит на этом варварском языке, но и понимает специфику русской культуры и менталитета! – с воодушевлением воскликнул Катош. – Иисусе, эти русские с их навязчивой ностальгией по полосатым деревьям и любовью к классическому балету будто с другой планеты! – всплеснул он огромными пухлыми лапищами. – Как же здорово, что в свое время я разглядел в вас потенциал и настоял на том, чтобы вас взяли на работу несмотря на отсутствие опыта! А ведь босс был против, – он выжидательно прищурился, будто намекая на то, что я в очередной раз должна выразить ему свою признательность. – Да оторвитесь вы от этой бумажки, подождет она, – и мистер Катош попытался закрыть развернутый журнал, придавленный для верности тяжелым дыроколом.

– Простите, сэр, этот перевод ждут к завтрашнему утреннему совещанию, а задерживаться сегодня я никак не могу, мне надо присутствовать на соревнованиях. Дочка выступает, – ответила я, ловко выхватывая тяжеленный выпуск “Вестника Московского авиационного института”, открытый на статье об особенностях работы теплоприемника.

– Поверьте старику, вот эту чушь прекрасно переведут и без вас. Идемте скорее, нас ждет шеф, – все так же радостно блестя глазами, гудел «старик» ростом под два метра и с объемами, заслуживающими не только уважение, но и изрядное опасение.

Через пару минут весь офис с любопытством наблюдал за тем, как Айзек Катош, серый кардинал компании, чуть ли не волочит меня за руку в сторону кабинета руководства. Боже, завтра жди с самого утра делегации умирающих от любопытства барышень из отдела маркетинга. Не удивлюсь, если всю ночь в их междусобойном чате будут делать ставки на то, для чего именно такую мелкую сошку, как я, пригласили к самому боссу: выгнать, повесить, отрубить за дело или просто выпустить пар за пустячную ерунду – шеф отличался вспыльчивым характером, так что прилететь любому из нас реально могло за что угодно.

– Вот она, Виктор! Это же находка! Настоящая находка! А кто настоял на приеме на работу без опыта? Я! И не ошибся! Потому что Катош никогда не ошибается.

– Айзек, успокойся, – оборвал расшумевшегося директора по персоналу шеф, тяжело глядя на меня исподлобья.

Честно говоря, с исполнительным директором я старалась пересекаться как можно реже. Не приведи господи нарваться на его плохое настроение. Как муха какая укусит (а бабушка говорила “вожжа под хвост попадет”), так просто невозможно – уж больно грубо и резко, на мой взгляд, он разговаривал с подчиненными, независимо от гендерных, расовых и возрастных различий. А, возможно, так казалось только мне? Ведь в отличие от всех остальных я была не только новым членом его давно сработавшегося коллектива, но еще и просто человеком, кто к своим тридцати семи с хвостиком годам так и не приобрел опыта жизни в качестве офисного планктона.

– Русский, значит, знаете и говорите на нем? И как? Свободно?

Я слегка повела плечами.

– Сэр, свободно говорят только носители языка. Ну, еще те, кто живет в языковой среде более пяти лет, при этом постоянно совершенствуя этот самый язык. Моя русская бабушка умерла год назад, и с тех пор устную речь я мало практиковала. Только письменно, технические тексты.

Я, конечно, лукавила. Переводила я не только технические тексты. Бабуля в свое время умудрилась привить мне любовь к русской литературе, которую я читала запоем. И старые фильмы тоже смотрела. Именно старые, те, которые были еще “советские” – они были милыми, добрыми и очень-очень позитивными, так же, как и наши. Может, тогда просто вообще все люди были добрее и человечнее?

– Могу я поинтересоваться, в чем суть вопроса? Что надо перевести?

– Не что, а кого. И не единожды, а ежедневно. Завтра у нас начинает работать новый Технический директор. Русский. Ему нужен личный ассистент и переводчик. Прикреплю вас к нему.

Yorta! Сказала бы бабуля.

На несколько секунд я онемела, не зная, как реагировать на столь “лестное” предложение, от которого я вряд ли смогу отказаться. Но попробовать стоит, поэтому я осторожно начала маневр:

– Простите, сэр, язык без практики забывается очень быстро. Боюсь, я не готова вот так сразу согласиться на такую сложную и ответственную работу. Извините еще раз, но переводчик технических текстов и личный ассистент – это разные должности, разные оклады, разный опыт, в конце концов. Вы же понимаете, что в первую очередь я боюсь подвести вас, допустив некую неприемлемую ошибку...

Разумеется боюсь. А еще я просто не хочу быть личным ассистентом. Нет, ну в самом деле, я готова переводить по восемь страниц за рабочий день, но вот эти вот “подай”, “принеси”, “сделай чай”, “помой кружку”, а также заодно оплати счет за прачечную, напомни купить подарок любовнице, цветы жене... Требуется слишком личного контакта. Чужой человек. Мужчина. Иностранец. Нет, это не по мне.

– Де юре останетесь переводчиком, де факто – будете выполнять работу личного ассистента. Зарплату увеличу на десять процентов. Рождественский бонус выплачу как за полный отработанный год. Больше возражения не принимаются. Просто идите и делайте, – сердито рявкнул босс.

Дьявол. Надо завтра резюме обновить на Индид и КериэрБилдер (популярные сайты по поиску работы в США – прим. Автора). Как бы не пришлось в скором времени новую работу искать. Хотя и эту-то с трудом нашла, считай, и не сама, а через знакомых моего бывшего му...

Стоп. Не думать.

– Миссис Галлахер, на самом деле все не так уж и страшно, – подключился Катош. – Ну подумаешь, будете переводить не тексты, вернее, не только тексты, но и устную речь, как раз

и попрактикуетесь. Парень молодой, неженатый, даже по фото в личном деле видно, что еще и симпатичный, – и он подмигнул, как ему, наверное, казалось, лукаво.

– Так, Айзек, свои эйчаровские технологии за дверь применять будете, – хлопнул по столу босс. – Некогда мне уговаривать. Сказал, будет помощником у русского, значит будет. Все, идите уже. Мне еще хренеллиард вопросов решить надо, – раздраженно взмахнул рукой Ковальски, давай знак, что аудиенция окончена.

– Мистер Катош, сэр, при всем уважении, я не понимаю, как можно такие вопросы решать вот так... э-э-э... стремительно, – предприняла я еще одну попытку, когда мы вышли от начальства. Тщетную. Это уже было ясно, как божий день.

Бабушка сказала бы “решить с кондачка”. Я так и не нашла точного определения этому слову, но выражение запомнила.

– Тания, на самом деле все просто замечательно. Мы выиграли самый сложный тендер, выцарапали высококвалифицированного специалиста, правда, не того, кого хотели. Должен был приехать один наш давний знакомец, поляк, и для него у нас был готов помощник. Но буквально за три дня все изменилось, благо, направляющая сторона взяла на себя все вопросы по миграционной службе и заморочкам с визами. Так что то, что вы у нас работаете и у вас именно те языки, которые нам нужны, это просто счастливое совпадение. И потом, давайте будем откровенны, – тон Катоша, прежде немного легкомысленный и шуточный, приобрел отчетливо угрожающее звучание. – Вас взяли на работу исключительно благодаря моей протекции. Вы неплохой сотрудник, и у вас все вполне себе прилично с качеством текста, но, простите, у вас, в вашем довольно солидном возрасте не было ни малейшего опыта работы. Вы же просто... – он окинул меня оценивающим взглядом, – просто домохозяйка. Были. Мы и так вошли в ваше положение, сопереживая и практически спасая в сложной ситуации...

– Сэр, я благодарна вам за оказанное мне доверие, – стиснула зубы я. – Но у меня все же есть диплом, и...

– Миссис Галахер, не порите чушь. Диплом ландшафтного дизайнера? Не пытайтесь показаться глупее, чем вы есть. Все-таки замужем за таким человеком были...

Наткнувшись на мой взгляд, Катош запнулся и продолжил в своем привычном легком тоне:

– В общем, не переживайте, дорогуша. Как были переводчиком, так и останетесь. Да еще и повышение зарплаты только что себе выбрали. А вот Джессика, которая ждала поляка, кстати, очень расстроилась. Представляете, как она вам теперь завидовать будет? – радуясь непонятно чему, хохотнул Катош.

Да уж, представляю. Надо же – перешла дорогу нашей карьеристке, мечтавшей о взлете на очередную ступеньку. Жди теперь новую волну сплетен и шепотков.

Я зашла в свой кабинетик и развернулась на пороге.

– Ну что ж, мистер Катош, полагаю, сейчас самое время написать Ричарду Джексону, директору по закупкам, что вы отозвали у меня перевод инструкции нового оборудования в связи с переводом на другую де факто, но не де юре должность. С вашего позволения, я поставлю вас в копию этой переписки. Я могу идти? Надо как следует подготовиться к завтрашнему дню. Погрузиться в атмосферу языка, перетрусить вокабуляр, чтобы хватило хотя бы на первое время. Ну, вы понимаете, да?

– Да, да, Тания. Идите, конечно. Завтра без опозданий. Будем встречать нашего нового коллегу, – вернувшись в свое благодушное настроение, пропел Айзек и величаво уплыл в сторону техотдела. Очевидно, чтобы лично порадовать Дика задержкой с переводом текста.

Закрыв за Катошем дверь, я громко и с чувством произнесла еще одно любимое бабушкино ругательство.

– Pizdets!

Глава 2

Мой красный фордик ловко лавировал в потоке машин. Маленький, по сравнению с теми машинами, на которых я раньше ездила, практически блошка. Юркий, вертлявый, мы с ним влезали даже в самые тесные парковочные места, умудряясь выйти из сражений за бесплатную парковку практически без повреждений. И не надо голову ломать, куда очередного громадного монстра присунуть. А с монстрами теперь пускай та кошка драная заморачивается.

Стоп! Не думать!

Вот и сейчас возле спортивного комплекса скопилось изрядное количество машин родителей, приехавших глянуть на соревнования по бальным танцам. Припарковаться практически нигде. Но мне много места и не надо, вот тут, чуток на газон заеду и вуаля!

– Эй, леди! Это газон!

– Оу, pelmennaya, balalayka, miedved, garmoshka, babushka, borsch! – скороговоркой проговорила я возмущившемуся господину и широко улыбнулась ему.

Удивительно, как любой набор слов на иностранном языке – с обязательным беглым звучанием и любезным выражением лица – может помочь сойти за гражданина другой страны. На слух незнакомую тарабарщину различить довольно трудно, особенно, если это касается языков стран Восточной Европы. Это сбивает с толку. Да и как орать на человека, который вроде как разговаривает с тобой и продолжает делать то, что считает нужным? Вот и этот растерялся, а потом махнул рукой – что взять с глупой иностранки.

Поступила я сейчас, право слово, отвратительно, признаю. И замечание это заслужила совершенно справедливо, даже оправдываться не буду. Но уже что есть, то есть, пускай выпишут штраф за парковку в неположенном месте, а совесть меня теперь и так помучит вдоволь.

Совесть у меня такая, зубастая тварь. После встречи с той выдрой, когда опрокинула на нее вазон с подвявшими (соответственно, жутко вонючими) цветами, эта чертова совесть меня грызла и пилила, наверное, с месяц. Или это было чувство вины за секунду испытанного триумфа? Или неожиданная гордость собой, когда заметила промелькнувшее в глазах бывшего мужа какое-то странное чувство, которое он попытался тут же скрыть от меня, бросившись на помощь попавшей в беду даме?

Стоп! Не думать!

В фойе мой взгляд натолкнулся на группу мамочек других конкурсантов, собравшихся у кафетерия.

– О, Тания! – взволнованно вскинула руку одна из них, Лайза, дочь которой тоже занималась у “нашего” тренера. – Ты все же пришла?! Мы волновались. Все же такой ответственный день для Эйприл, ей так нужна поддержка мамы. Девочки сейчас в раздевалках, готовятся.

Я стиснула зубы. Ну да, как же, волновались они. Скорее, перемывали косточки нерадивой “мамаше”, которая не явилась вовремя с коробочкой испеченных собственноручно маффинов к кофе и не является образцом матери и хозяйки. Им плевать, что я бегу с работы в то время, как они могут позволить себе оставаться дома и весь день уделять готовке и уборке. Но совесть... очередной укол ее острых зубов пережить было не так уж просто. Если бы Фергал оставался рядом... если бы мне не приходилось разрываться между построением карьеры и домом...

Собравшись с силами, я ответила непринужденной улыбкой, затем повернулась к женщинам спиной и набрала номер дочери.

– Ма, ну ты где? – голос в трубке был возбужденным, но не растерянным. Это хорошо. Значит, Зая моя настроилась и готова выложиться по полной. Вот и замечательно.

– Солнышко, я уже буду в зале, как и договорились. Обязательно помашу тебе, ладно?

– Ладно! Ну все, мама-талисман, держи за меня все то, что ты там обычно держишь. Я побежала.

– Удачи, детка. И успеха! – я наощупь положила телефон в сумочку и направилась по коридору в сторону зала, вливаясь в поток других родителей.

В зале меня поджидала очередная неприятность. Так как у нас с дочерью есть особая примета – мне нужно сидеть на определенном ряду, в определенном кресле, чтобы принести ей удачу, – то обычно я загодя приезжала и занимала положенное место. Но теперь, из-за моего опоздания, ряды уже успели наполниться зрителями, и, войдя, я заметила, что с другой стороны зала на мое кресло нацелился какой-то тип. Э нет, парниша, это моя добыча! С удвоенной энергией и всей возможной вежливостью и аккуратностью, на которую только была способна в сложившихся обстоятельствах, я принялась протискиваться к цели, и тут...

Хрясь!

Застрявший в неведомо откуда взявшейся в полу щели каблук предательски хрустнул. Еще одна любимая пара будет выброшена сегодня на помойку. А ведь это те самые туфли, в которых я была, когда мы с Фергалом попали под дождь, выходя из ресторана на Манхэттене, куда он возил меня на годовщину нашей свадьбы! И тогда эта обувь выдержала все! О, как я ее любила! И его...

Стоп! Разошлась сегодня! Не думать!

Последний рывок, и я почти уже на месте!

Хэць!

Второпях застегнутая сумочка распахнулась, раскрыв любопытствующим нежно-розовое нутро покладки настоящей Шанель, и из нее серебристой рыбкой нырнул в толпу мой телефон. Ну, как нырнул. С несвойственной слегка надкушенному райскому фрукту агрессией он тюкнул по голове сидевшего ниже мужчину, а потом, будто устыдившись собственной внезапной атаки, мягко спланировал к пострадавшему на колени.

– Yoraniy fro! – с перепугу выпалила я очередное словечко из русского лексикона, которое с успехом заменяло моей бабушке крепкое ругательство в определенных ситуациях, а затем с виноватой улыбкой склонилась над пострадавшим. – Простите, сэр, надеюсь, я не сделала вам больно... Мне очень, очень жаль...

Вместо того, чтобы возмутиться или хотя бы с соответствующим видом принять мои извинения, мужчина обернулся и радостно сверкнул глазами.

– О, вы говорите по-русски? – спросил он при этом на очень хорошем, но явно не родном английском. – Вот уж не ожидал услышать здесь... кхм... знакомую речь!

– Да, я говорю по-русски, и спасибо за комплимент, очень приятно, – вежливо улыбнулась я ему, одновременно с этим стараясь не краснеть слишком густо от того, что кто-то в этом зале понял истинное значение сказанного мной.

– Не переживайте, мэм, вы не доставили мне никакого беспокойства. И вот, держите ваш телефон. Надеюсь, он не повредился, встретившись с моей головой, – непонятно откуда взявшийся на этих «типа международных» соревнованиях русскоговорящий иностранец в очередной раз продемонстрировал мне отличную работу своего стоматолога и повернулся снова к сцене.

Отвлечшись на телефон и разговор с гостем нашего прекрасного штата, я совершенно забыла про пострадавший каблук и, сделав шаг в узком проходе, да еще и столкнувшись с тем самым наглецом, что умудрился уместить-таки свою пятую точку на моем кресле буквально перед самым моим носом, я потеряла равновесие.

Вы представляли себе ситуацию, когда красивая девушка (ладно, ладно, взрослая женщина) случайно подворачивает ногу и, изящно взмахнув тонкими руками, падает? Но не на пол, разумеется, а на прекрасного принца, который тут же подхватывает ее и бегом несется

в ближайшую церковь, дабы сочетаться узами нерушимого брака с не умеющей держаться на ногах растяпой?

В девчачьих мечтах выглядит красиво. А когда ты падаешь в узком проходе между рядами, причем один из рядов намного ниже, чем тот, с которого ты падаешь? А еще у тебя сломан один каблук. А еще до сих пор расстегнута сумочка. Плюс узкая юбка. Плюс короткий пиджак. Плюс чулки, от которых ты так и не отучила себя, потому что их так любил первый (и единственный) бывший муж...

Стоп! Не думать! Падай лучше в правильное место!

Вскрики и испуганные возгласы сопровождали мое позорное падение куда-то в нижнее междурядье. Кто-то недавно в “Открытом микрофоне” глумился над тем, как падают пьяницы – мол медленно, заторможенно, как в съемках первой «Матрицы». Мне казалось, что я летела так же – не столь отточенными движениями хорошего выполненного трюка, но с максимально задействованными участниками действия – справа, слева, сверху и, самое главное, снизу, на того самого иностранца. Как хорошо, что он выглядит довольно крепким на вид!

– Упс! Клянусь, я не нарочно! – я даже ладошку вскинула вверх, лежа на спине с задранной юбкой, явно разорванной по шву.

– Господи, с вами все в порядке?

Похоже, порвала юбку, явно потеряла кучу всего из сумочки, опозорилась перед толпой народа, дважды ушибла какого-то несчастного приезжего, любителя бальных танцев, который теперь наверняка унесется из нашего прекрасного города, вопя от ужаса, что во время просмотра волшебного венского вальса в исполнении дважды лауреатов международных конкурсов его пришибла какая-то сумасшедшая, которая еще и матерится по-русски. А так со мной все в порядке.

Кряхтя, как наша старенькая мопсика Пич, я попыталась встать. Перепуганный моим падением «тюкнутый» наклонился, чтобы помочь, ровно в тот момент, как я, наконец, преодолела силу притяжения.

– Черт! Как же больно, – всхлипнула я, потирая шишку на лбу и встречаясь взглядом с трижды ушибленным.

Это как минимум Гаага, моя дорогая. Это суд, штраф, запрет на приближение и вообще пахнет международным скандалом. Господи, что сказала бы дочка, узрев цирк, устроенный ее “талисманом” перед столь важным выступлением?

Сквозь невольно подступившие от боли слезы я взглянула на пострадавшего, и через несколько секунд мы уже звонко хохотали, растирая лбы и пытаясь все же поднять меня с этого чертова пола и усадить рядом с таким поразительно терпеливым и мирным иностранцем.

– Послушайте, я вам должна. Серьезно. Таких нелепостей со мной не происходило уже бог знает сколько времени. Я стукнула вас сегодня по голове три раза. И каждый раз совершенно случайно. Честно. У меня к вам никаких претензий, я не злобная хейтерша и вообще вас не знаю. Просто, считайте, я ваш личный Тунгусский метеорит сегодня.

– Значит, у меня есть основание выкатить вам счет и потребовать оплаты по нему? – лукаво ухмыльнулся мужчина.

– Есть, – подтвердила я. – А вы откуда знаете русский? Приехали из России или тоже русские корни?

– Угу, – рассеянно ответил мужчина, то ли не расслышав моего вопроса, то ли так ловко уйдя от прямого ответа. – Будет ли считаться наглостью или, как у вас принято говорить, харасментом, если я поинтересуюсь вашим именем, о прекрасная незнакомка?

Слава богу, что в зале уже приглушили свет и вряд ли кто-либо заметил, как краска прилила к моим щекам. Этот мужчина оказался невероятно галантным, кто бы мог подумать? Моя бабушка любила Есенина и часто повторяла, что настоящий “russkiy muzhik” больше всего на свете любит две вещи – “pit u erazza”, и глядя теперь на внезапно образовавшегося собесед-

ника, я почувствовала эти самые вибрации: уж не знаю, как там с первым, но второе он точно умеет и любит делать.

Я сморгнула, чтобы скрыть охватившее меня чувство... чего? Ощущения, что я мысленно едва не изменила мужу? Фергалу? Бывшему, который бросил меня, как ненужную вещь?

Что за khren со мной творится?!

И решительно протянула ему руку.

– Ну, поскольку в агрессивном поведении сегодня можно обвинить, скорее, меня, то ни наглостью, ни тем более харассментом мы этот вопрос считать не будем, – улыбнулась я. – Тания, приятно познакомиться.

– Андрей, – он аккуратно охватил мою ладошку своими – крупными, по-мужски грубоватыми – и поцеловал, склонившись так, что я невольно вдохнула его аромат полной грудью.

Глава 3

– Ты пахнешь мечтой, – я втягиваю запах и, не удержавшись, облизываю мужское ухо, призывно торчащее из-под свежей стрижки. – Моей мечтой. Запретной.

– М-м-м, я должен сам себя премировать за прекрасный выбор парфюма?

– А это точно ты выбирал этот запах? Или тебе кто-то помогал? – я прикусываю мочку чуть сильнее, ощущая, что он дрожит всем телом и теснее прижимается ко мне.

– Ну, мне, разумеется, помогли. Мир не без добрых людей, знаешь ли, – горячее дыхание опалает шею, а наглые руки уже вовсю справляются с застежкой бюстгальтера.

– Чш-ш-ш, мы не слишком спешим? – я усмехаюсь и смотрю, наконец, прямо в глаза – теплые, карие, с солнечными искрами, мерцающими в темноте, как золотистый топаз.

– О, я не буду спешить, ни в коем случае, моя Татиана. Я просто сперва сделаю это быстро, резко, дерзко, возможно, даже грубо. Вот так... – Рывок, и мои трусики где-то в районе коленей, а саму меня дергают, прижав спиной к наспех растянутой рубашке...

– Нет! – я вырываюсь из мужского захвата, развернувшись опять лицом к нему. – Я хочу слышать этот аромат. Что это, черт возьми?..

Comme des Garçons.

Odeur 53.

Запах прибрежного парка ранней весной: соленый порыв морского бриза, пепельная сладость набухающих почек, мокрые металлические поручни трапа яхты, обросшие водорослями огромные валуны, костер на диком пляже, в который кто-то бросил старую велосипедную шину...

Унисекс.

Цветочный, древесно-мускусный, с нотами песка, гальки, металла и глины.

Свежий, с кислинкой, будоражащий, заставляющий в недоумении приняться.

Станный, как многое из того, что создано руками и душой представителей древней, загадочной цивилизации страны восходящего солнца.

Редкий аромат, который настолько мало кому нравится, что его даже в общераспространенных парфюмерных магазинах не продавали. Только под заказ. Только в трех городах: Нью-Йорке, Сан-Франциско и Бостоне.

Odeur 53 стал для нас с Фергалом запахом свободы. Нашей с ним личной свободы – свободы выбора, свободы пространства, свободы передвижения. Запахом, царившим в нашей первой в жизни гардеробной – совершенно пустой и казавшейся огромной. Запахом солнечного утра, цивилизованного, не в четыре часа, а в восемь, когда даже зимой ты уже видишь солнце. Запахом совершенно безумных ночей в собственной просторной спальне, без детских кроваток с обеих сторон, с плотной дверью, закрывающейся на ночь на задвижку во избежание внезапных ночных гостей, скукавших без мампапы в новых комнатах.

Что это были за ночи!

Мы как с ума сходили, стоило только щелкнуть замку, отсекавшему нас от любопытных глазенок и слишком уж чутких ушек. Мы, уже взрослые люди, моментально оборачивались озабоченными подростками, использующими отсутствие родителей в рабочие часы будних дней для того, чтобы вкусить запретного секса – горячего, потного, громкого. Да, из мастеров беззвучного секса, коими мы были вынуждены стать, теснясь долгое время в арендованных крохотных квартирках, мы превратились в разнузданных громогласных хищников, урчащих от удовольствия при пожирании любимой плоти. Я больше не стеснялась стонать, вскрикивать и всхлипывать, а Фергал позволял себе озвучивать финал с присущим его голосу низким роком валунов, ворочающихся от удара штормовых волн...

– Татьяна, я, честно говоря, немного удивлен, но при этом страшно обрадован.

– Что? – я лупала глазами, пытаюсь вынырнуть из поглотившего меня воспоминания, навязанного таким знакомым, практически родным ароматом, который раньше я слышала только от одного мужчины – единственного в моей жизни.

– Я страшно обрадован тому, что встретил в чужой стране человека, с которым на удивление легко общаться. Без всех этих странных церемоний, присущих двум незнакомцам, говорящим на не родном языке.

– А удивлены чему?

– Тому, что мне повезло не просто познакомиться с настоящей красавицей, но еще и потребовать с нее при первой же встрече как минимум свидание, – мило улыбнулся Андрей.

– Потребовать? – я склонила голову набок, пытаюсь в темноте разглядеть собеседника. На удивление примечательный экземпляр: высокий, подтянутый, серый джемпер обтягивает широкие плечи, никакого пивного животика, теплые сухие ладони, в которой утопают обе мои, открытый взгляд, добрая улыбка и... сводящий меня с ума аромат.

– Разве не вы буквально пару минут назад предложили выставить счет за нанесенные повреждения? – лукаво усмехнулся Андрей, не выпуская моей руки из захвата. – Вот это и будет оплатой за причиненные неудобства.

– А если я замужем? – мысленно скрестила пальцы, как обычно делали мои дети, подвигая маленько.

– Даже если это и так, в чем я лично сомневаюсь, будет любопытно встретиться и с вашим супругом, – беспечно пожал плечами новый знакомец.

– А можете объяснить по обоим пунктам?

– Ну, если бы вы были замужем, то нормальный муж ни за что не отпустил бы вас одну на это мероприятие, это же очевидно. А если он все же безумно занят, то мне было бы крайне интересно познакомиться со столь беспечным мужчиной, крайне небрежно охраняющим такое сокровище.

– Простите, я вынуждена прервать нашу беседу. Мне очень важно посмотреть следующее выступление, – смутившись от такого откровенного комплимента, я вытащила наконец свою руку из его слишком длительного пожатия и сосредоточила все свое внимание на сцене, успев отметить и набитые костяшки, и твердые мозоли. Похоже, этот мужчина много времени проводит не просто в спортивном зале, а на ринге. Как мой му... Бывший. Все. Бывший. Не мой.

А моя звездочка стояла там, в самом центре бального зала. Пара под номером тридцать четыре.

Мы еще вчера шутили с ней, что повезет обязательно, ведь им с Адамом по семнадцать, на двоих как раз тридцать четыре, а значит... Ерунда, конечно, но мы всегда искали любые зацепки, которые можно было бы объявить хорошей приметой и поверить в нее: – ой, смотрите, нам навстречу едет такая же машина, как у нас, а вон какая-то пожилая леди выгуливает собаку – точь-в-точь наша Пич; ты только посмотри, у председателя жюри туфли, как у мамы – точно хорошая примета! Ну и наиглавнейший талисман «на удачу» – сама мама, сидящая в седьмом ряду на седьмом месте. Фергал мог быть занят, Айвен тоже, а я должна была присутствовать обязательно. И я исправно ходила на все соревнования – где бы они ни проходили, объездив со своей звездочкой все соседние штаты.

Ярко освещенный танцпол будто подернулся расплывчатой дымкой, мешающей четко видеть то, что там происходило. Зато перед глазами как наяву встала другая сцена: мой муж, страстно сжимающий в объятиях другую женщину. Пальцы впились в обнаженную откровенным платьем спину, ее нога бесстыдно обвивает его поясницу, а шея откинута для поцелуя, горячего, агрессивного, оставляющего след на нежной коже.

Я помнила такие поцелуи – не поцелуи, а пылающие печати, тавро, помечающие принадлежащее только ему, ему одному, ни для кого больше хода на эту территорию быть не могло.

И не было. Уж по крайней мере не на ту, которая являлась мною. За все двадцать два года, с самой первой нашей встречи, я принадлежала только ему. Ему и нашим детям...

– Татьяна, а вы азартны? – внезапный вопрос снова стал спасением от очередной волны воспоминаний. Что-то я сегодня совсем разошлась. Видно, недостаточно устала на работе, раз мозг функционирует.

– Ну-у-у, даже не знаю, что вам ответить, – ответила, по-прежнему не отрывая взгляда от сцены. – Смотря что вы подразумеваете под словом “азарт”?

Андрей как-то загадочно хмыкнул.

– Ну, на что вы готовы пойти ради достижения заманчивой цели? Когда выигрыш уже маячит перед глазами и нужен лишь последний рывок? С крыши бы прыгнули, если бы за это получили взамен джекпот? Человека бы смогли убить? Ну или хотя бы обмануть?

Я невольно поежилась. До развода я и не подозревала о наличии в себе многих, незнакомых ранее эмоций. Ведь решила же я полностью поменять свою жизнь, значит ли это, что я готова в экстраординарной ситуации пойти и на...

– Н-не думаю, что до таких крайностей я бы дошла, – покачала я головой.

– Значит, не настолько азартны, – усмехнулся он. Я бросила на него короткий взгляд, недоумевая, к чему мужчина клонит, и испытывая некоторое чувство дискомфорта из-за того, что беседа повернула в непредсказуемое русло. Но Андрей лучезарно улыбнулся.

– Простите. Неудачная шутка вышла, правда? Хотел вас подколоть по-дружески, не более того.

– Я понимаю шутки, – пресекла я его извинения и, желая поддержать разговор, добавила: – Наверное, я все же азартная. Бабушка говорила, что я не умею проигрывать, и страшно веселилась за мой счет, выигрывая у меня раз за разом в “Русского дурака”, как она называла.

– Я тоже ненавижу проигрывать, – кивнул Андрей. И предложил: – Тогда давайте сыграем в русскую рулетку?

– Это как? Вернее, я знаю, что такое русская рулетка, но не понимаю, как в нее можно сыграть во время соревнований по бальным танцам.

– А мы возьмем два листика, напишем на них номер той пары, за которую болеет каждый из нас, сложим их, не показывая друг другу до объявления победителей, и посмотрим, чья выиграет. – Андрей тут же достал два небольших отрывка бумаги и протянул один из них мне.

– А дальше?

– Ну, – он закатил глаза, делая вид, будто задумался. – Если я выиграю, то выбираю, где мы сегодня ужинаем.

– А если проиграете?

– Тогда плачу за сегодняшний ужин.

– Прелестно, – усмехнулась я. – Экий вы хитрец. Вариантов без ужина сегодня не предвидится ни при каком раскладе?

– Как я сказал, я терпеть не могу проигрывать, – кивнул мужчина. – Ну-с, так за кого мы сегодня бодем? – он прикрыл ладошкой свой кусочек бумаги и что-то быстро черкнул на нем. – Подруга? Или сестра?

Слушайте, ну честно. Каким бы натянутым ни был подобного рода шаблонный комплимент, но и он греет душу женщине бальзаковского возраста. Не отрывая взгляда от сцены и комкая от нетерпения предложенный листик, я чуть ли не отмахнулась от собеседника, пряча очередной румянец удовольствия. Вот это мастер соблазнения мне попался. И где? На соревнованиях по бальным танцам.

– Дочь.

– Да бросьте! Взрослая дочь у такой юной мамочки? Слушайте, я уже готов довольствоваться оплатой счета. Дети – это святое, – вдруг совершенно сменив легкомысленный тон, он

протянул мне свою бумажку. – В конце-концов, проиграть красивой женщине, это почти победить.

“Тридцать четыре”.

Blyat!

Тридцать четыре – номер пары моей звездочки. Мои руки слегка задрожали.

– Откуда вы знаете?

– Что именно? Что вы красивая женщина? Это и слепой заметил бы.

– Откуда вы знаете, в какой паре танцует моя дочь?

Ведь не бывает таких совпадений? Русскоговорящий, поймал меня, наговорил кучу комплиментов, а теперь еще и типа угадал мою Эйприл?

По спине тонкой струйкой прополз холодок. И вдруг стало неудобно и даже немного тревожно.

– Господи, вы побледнели? – совершенно искренне встревожился собеседник. – Только, пожалуйста, не подумайте ничего такого. Я... скажем так, моя мамуля очень верит во всякого рода... эм-м-м, знаки Вселенной, как она их называет. Мы с вами сидим на креслах под номерами три и четыре. Девушка, теперь я понимаю, что это ваша дочь, в зеленом платье – а это мой любимый цвет. Это просто совпадение. Честно. Если вы испугались меня, то я отзову все свои предложения об ужине – хотя мне этого ужасно не хочется – просто чтобы вы не подумали ничего дурного.

Иисусе, я, наверное, дура?

Подумала невеста что о хорошем человеке. Чуть не обидела его своими глупыми подозрениями. А совпадения в жизни действительно порой случаются. В конце концов, это не он полез в мой ряд, не он стукнул меня по голове, не он практически упал мне в руки.

Balda!

– Нет-нет, все хорошо. Душновато немного. И очень волнуюсь за дочку. Мне приятна ваша поддержка, – вымучила я из себя улыбку и отвернулась к сцене.

Глава 4

В глазах расплывалось от слез.

Боже, наконец-то, впервые за эти несколько месяцев я плакала от счастья и радости. Радости, гордости и восхищения своей дочкой, стоявшей на верхней ступеньке пьедестала почета со своим партнером.

– Я же вам говорил. Знаки вселенной – классная штука, – прошептал сосед и протянул мне мужской носовой платок. – Клянусь, он чистый.

– Спасибо.

Этих слез я не стыдилась. Их понимал любой сидящий в этом зале.

А те, что я выплакала за прошедшие сто восемьдесят дней, те скрывала от всех. Только Эйприл, видя по утрам мои красные глаза, лишь вздыхала и крепко обнимала меня, шепча на ухо ласковое:

– Мамуля, ты у меня, у нас с Айвенгом, самая замечательная. И мы тебя очень любим. Всегда будем любить, что бы ни случилось.

Я много времени провела на женских форумах. Тех, которые заполнены гневными, радостными, саркастичными, грустными, проклинающими и “слава-богу-наконец-то” высказываниями разведенных женщин. Пыталась примерить на себя их слова и эмоции. Но ни одна не описывала моего состояния.

У меня будто отрезали половину тела. Мне не хватало Фергала так, как не хватает ног или рук тем, кому их ампутировали внезапно, без предупреждения, без подготовки в виде продолжительной, мучительной болезни.

Наши ночи не были менее страстными, а дни менее заполненными привычными мелкими признаниями в любви: легкий поцелуй в плечо, “я-тебя-люблю” одними губами, чтобы не услышали дети, стикеры с сердечками на кофе-машине...

Я не видела никаких признаков надвигающейся катастрофы. Я была слепа, как крот. Или просто как без памяти влюбленная в собственного мужа женщина. Дура, одним словом.

И вдруг развод.

Раздел имущества.

И ни единого звонка от него. Невозможность дозвониться до Лаванды, принявшей во всей этой истории самое непосредственное участие.

Дурацкое условие о содержании, если я продолжаю жить в том же доме, не встречаться с другими мужчинами и вообще практически делать вид, что ничего не случилось.

Каюсь, первые дни именно так и было.

Не потому что я была по-прежнему хорошей, послушной женой. Скорее, от шока, что он выбросил меня из своей жизни, не соизволив даже объяснить.

А через две недели... поступила так, как посчитала нужным сама.

– Мамуля! Мамочка! Йес-с-с! Мы сделали это!

Дочка взлетела по ступенькам, не обращая внимания, что ее провожают приветственными возгласами еще не успевшие разойтись после церемонии награждения зрители.

– О, детка, я так рада за тебя. За вас с Адамом. Где он, кстати? – я обнимала тонкую фигурку, а Эйприл умудрялась приплясывать в моих руках.

– Он уже в раздевалке, они с родителями куда-то срочно едут, так что сегодня отмечаем без него. Mam! Сегодня у нас точно будет пицца! Я жрать хочу, как крокодил!

– Юная леди достойна самой высочайшей награды. Медаль в виде гигантской пиццы будет наименьшей из возможных, – заметил вставший со своего кресла Андрей, который своим движением нарушил наше с дочкой хрупкое равновесие.

– Упс, простите. Я наступила вам на ногу?

– Я готов потерпеть, если вам так удобнее обнимать вашу маму.

Только не это! Сперва я его избила, а теперь и Эйприл оттоптала ему ноги.

– Дочь, сойди, пожалуйста, с ноги этого чрезвычайно терпеливого джентльмена. Ему сегодня немало досталось от нашей семьи.

Молодой мужчина приподнял обе руки в отрицательном жесте.

– Ну что вы. Я избранный! Это все не просто так! Нам суждено было познакомиться. И мои страдания не идут ни в какое сравнение с удовольствием лицецерения столь прелестных леди. Так, значит, решено? Сегодня за гигантскую пиццу плачу я? Кстати, я Андрей.

– Эйприл. А вы откуда знаете мою маму?

– Слушайте, я уже даже боюсь сказать, что у меня день рождения в апреле.

Хм, он в очередной раз проигнорировал один из вопросов, адресованных ему. Случайно ли?

– И, поскольку, будучи человеком новеньким в этом городе, совершенно не знаю, где здесь подают самую громадную и самую вкусную пиццу, доверяюсь вашему выбору ресторана.

– Мамуль, давай к Лаззари? Там такое мороженое! – закатила глаза моя победительница.

– Хитрюга какая. Начала с пиццы, теперь мороженое, а что потом? Аффогато?

– Ты знала, ты знала! – звонко расхохоталась стрекоза и чмокнула меня в щеку. – Все, я убежала переодеваться. Встретимся у выхода. – И Эйприл, широко улыбнувшись нашему сегодняшнему спонсору обжираловки, ускакала вниз, придерживая подол бального зеленого платья.

– Ваша дочь совершенно очаровательна. Сколько ей лет?

– Семнадцать. – Наверное, не стоит говорить, что почти восемнадцать. От греха подальше.

– Ей я этого не скажу, чтобы не смутить слишком юную деву, но вам признаюсь – еще год-два, и вам придется обзавестись большим мусорным баком поближе к дому.

– Зачем? – ну вот знаю, что сейчас последует очередной комплимент, а удержаться не могу.

– Ссыпать туда осколки разбитых мужских сердец, – провожая Эйприл задумчивым взглядом, ответил мужчина. – Или прятать туда трупы соперников, убивших друг друга в борьбе за ее внимание. Ну, или убитых кем-то третьим, более удачливым, но ревностно охраняющим свое сокровище.

– Как дракон свое золото? – попыталась перевести в шутку я, но сердце в очередной раз кольнула смутная тревога.

– Скорее, как Koscheu яйцо с иглой, на конце которой его жизнь. Вы же знаете такого персонажа русских народных сказок?

– Еще бы не знать. У меня все детство прошло с русскими народными сказками и сказками Пушкина. Не поверите, до сих пор половину наизусть помню. А вы, значит, собственник?

– Что, простите?

Только не надо притворяться опять, что не услышал.

– Я говорю, вы, наверное, из тех мужчин, которые жуткие собственники, да?

Андрей перевел на меня взгляд, моргнул и задумчиво улыбнулся:

– Позвольте вашу руку? Не хочу, чтобы в этом узком ряду с вами случилось новое приключение.

Как мне ни хотелось услышать ответ хотя бы на этот личный вопрос, воспитание не позволяло настаивать на продолжении темы, поэтому я проглотила все фразы, вертящиеся на кончике языка, и позволила Андрею аккуратно взять меня под локоток.

– Как ваши туфли? – заботливо поинтересовался он, выводя меня из зала.

Я старалась не очень сильно хромать, но при этом идти так, чтобы вес тела не нагружал сломанный каблук.

– Нормально. Надо бы поехать домой переобуться, но не хочу портить момент триумфа своей оголодавшей девочке, так что доберемся до машины, оттуда – до ресторана, а там, под столом, никто и не заметит.

Мы подождали Эйприл у входа в здание, а затем дружно загрузились в мою машинку. Андрей отметил, что добирался на конкурс на такси, так как планировал потом еще прогуляться по городу и ознакомиться с окрестностями, на что моя щебетушка Эйприл тут же принялась расписывать ему местные красоты.

Я рулила и слушала их вполуха, иногда что-то отвечая, когда Андрей пытался и меня вовлечь в общий разговор. Я вдруг отметила, что он то и дело бросает в мою сторону внимательные взгляды, переводя их с Эйприл. Уж не надумал ли проложить дорожку к моему сердцу через ребенка, как поступают некоторое особо опытные соблазнитель?! И тут же в голове возник вопрос – а я бы повелась? Если бы увидела, что они с Эйприл нашли общий язык и он вполне мог бы заменить в нашем доме Фергала – повелась бы?!

За этими мыслями я не заметила, как мы прибыли в ресторан. Услужливый администратор проводил нас к свободному столику, круглому, на четверых, за которым мы с комфортом разместились и оказались сидящими в своеобразном дружеском кругу.

– Так что твой папа? – заговорил Андрей, когда мы сделали заказ и вернули официанту меню. – Он наверняка тоже поддерживает твоё увлечение танцами? Приезжает поболеть за тебя на конкурсы?

– А папа с нами больше не живет, – отмахнулась Эйприл, стараясь говорить беззаботно, хотя я заметила, как едва заметная морщинка прорезала кожу между ее бровей.

Мне всегда казалось, что дети перенесли наш с Фергалом развод более стойко, чем я, по крайней мере, быстрее оправались от шока, но теперь впервые задумалась, действительно ли моя дочь уже не грустит об отце.

– Очень жаль, – сказал Андрей, – мне всегда казалось, что семья не может быть полной без мужчины. Как и без женщины, – тут же добавил он, вежливо улыбнувшись мне, – и без ребенка. Это те три составляющие, которые и образуют семью.

– У нас четыре составляющие, – откликнулась Эйприл, – у меня есть еще брат.

– Даже так? – приподнял бровь и подмигнул мне Андрей. – Да вы мать-героиня.

– Разве это звание не за семь детей дают? – вяло отмахнулась я, заставив себя рассмеяться. Меня все больше беспокоило то, что Андрей так активно интересуется нами и так мало рассказывает о себе. – Ну а что вы сами, с супругой приехали? Учитывая наш вечер, полный совпадений, не удивлюсь, если у вас окажется тоже двое детей.

– Увы, холост! – развел руками мой собеседник. – Хотя нахожусь, так сказать, в поиске. В активном поиске, я правильно сейчас назвал это?

– Правильно, правильно, – рассмеялась Эйприл и захлопала в ладоши, потому что за наш стол принесли пиццу. – Давайте уже есть!

Остаток ужина прошел в милой, приятной обстановке совершенно ненапряжного общения. Андрей шутил, хохотал над рассказами Эйприл о нашей Пич и потчевал забавными байками о своем домашнем любимце, оставшемся в России. И моя пару раз за вечер приподнявшая голову тревожность уснула под тихий голос нашего нового приятеля. А вот в конце он меня удивил.

– Моя мама всегда говорит, что между настойчивостью и навязчивостью тонкая грань, которую мужчина не имеет право переступить. Леди, я совершенно очарован и страстно мечтаю продолжить наше знакомство. Поэтому, – тут он достал салфетку из подставки и принялся что-то черкать на ней, – я даю вам свой телефон. Это российский номер, я еще не успел обзавестись местным, он появится у меня через один-два дня. Но этот номер доступен круглосу-

точно. – И мужчина протянул листок в нашу сторону. – Как бы я не хотел получить заветные цифры для того, чтобы иметь возможность писать вам или поболтать по-дружески, я не буду их сейчас просить. Давайте так – ровно через неделю, в это же время, в этом же ресторанчике я буду ждать вас на ужин. Либо, – он посмотрел мне прямо в глаза, – буду надеяться на звонок от вас, если вы захотите встретиться раньше.

На том мы и распрощались, а на обратном пути домой Эйприл мне заявила:

– Мам, а классный друг у нас появился, да?

Я не могла не согласиться – день мы провели довольно здорово.

Впрочем, этот самый день выдался такой насыщенный, что по возвращении домой, приняв ванну, я устало вбрела в спальню и тяжело опустилась на пуф перед туалетным столиком. Отражение, подсвеченное приглушенным светом ночника, показывало мне измученную немолодую женщину. Даже не знаю, что Андрей во мне нашел, раз весь вечер оказывал знаки внимания. Наверное, он бы разочаровался, увидев меня сейчас, сидящую перед зеркалом без огонька в глазах, несмотря на все его комплименты и старания. Но что я могу сделать, если для счастья и сияющего взгляда мне нужен лишь один мужчина – и он, увы, не со мной?!

Я нанесла на лицо ночной крем, подсушила волосы и собиралась уже ложиться спать, когда зазвонил телефон. Домашний, который стоял на тумбочке у постели, и которым я не пользовалась, оставив его для экстраординарных случаев и для старых друзей бабушки, иногда забывавших, что ее уже нет. Озадаченная, кто мог бы беспокоить меня в такой час, я поднялась на ноги, пересела на постель и взяла трубку.

– Алло?

– У тебя красивые ноги, Тания. Такие изящные лодыжки, – раздался в трубке приглушенный незнакомый голос.

– Кто это?! – насторожилась я.

– Знаешь, что подошло бы к таким ногам? – продолжил незнакомец на том конце провода, проигнорировав мои вопросы. – Браслеты. Специальные такие браслеты с цепью, которой я прикую твои стройные ножки к кровати, чтобы ты никуда не ходила, сидела дома и была моей, только моей, и ничьей больше.

Я почувствовала, как все мое тело задрожало от ужаса. Этот голос... он явно был специально искажен, и осознание того, что кто-то знает мой домашний номер, знает мое имя и бормочет что-то про мои лодыжки, создавало ощущение чужого тяжелого дыхания за спиной. Да, кто-то следил за мной и дышал мне в спину, упиваясь собственной безнаказанностью.

– Я кладу трубку! – выпалила я. – А если еще раз позвоните, обращусь в полицию!

В трубке раздался низкий смех.

– И ты никуда не обратишься, милая. Ни в какую полицию. Ни к каким друзьям, да? Ведь ты живешь не одна, моя Тания. Я тебе еще позвоню. Как-нибудь.

В трубке щелкнуло, и звонок завершился. Я поплотнее запахнула на груди халат, затем порывисто встала, задернула на окне шторы и обошла весь дом, проверяя, закрыты ли двери и окна на запоры.

Холодный пот стекал по моей спине, а в голове так и звучало жуткое “моей, только моей, и ничьей больше”...

Глава 5

Ночь выдалась тяжелой. Я улеглась в постель и, едва голова коснулась подушки, провалилась в муторный липкий сон, наполненный какой-то хаотичной суетой. Помню, что бежала бесконечными коридорами от какого-то преследователя, слыша за спиной все то же тяжелое дыхание, что почудилось мне в момент странного звонка. Я металась по постели и, кажется, даже стонала сквозь сон.

Посреди ночи, часа в три, меня внезапно что-то разбудило. Я резко села на постели, задыхаясь от собственных кошмаров и пытаясь прийти в себя. Грудь сдавило странное чувство, словно за мной продолжали наблюдать даже в такой момент. Не включая ночника, я огляделась: шторы по-прежнему задернуты, дверь в спальню прикрыта так, как я ее и оставляла. В доме вроде бы тишина. Причин резко охватившей меня паники я объяснить не могла.

Рухнув обратно на постель, уставилась в потолок. Всегда ненавидела такие внезапные пробуждения, потому что после них трудно снова заснуть. В голове непрошено закрутились прежние мысли. Кто же мог мне звонить? Почему именно сейчас? Я не могла связать это событие с чем-то конкретным, все шло своим чередом, как шло с момента моего развода и переезда в старый бабушкин дом. Да и минувший день был самым обычным, разве что я посетила выступление дочери и познакомилась с Андреем, а больше ничего... Вспомнились галантные шутки молодого человека, его улыбка, его вежливое завершение знакомства с оставленной перспективой на будущее. Вот вроде бы и не навязчивый, но в итоге добился своей цели – назначил мне свидание, не оставив даже мысли отказаться.

Собственник... хоть и не ответил на мой прямо поставленный вопрос, но теперь я не сомневалась, что Андрей из тех, кто не любит делить свою женщину ни с кем.

И все же, почему кто-то решил подшутить надо мной таким жутким образом, по телефону, номер которого мало кому был известен?!

Внезапно на глаза навернулись слезы. Если бы рядом был Фергал, я бы пожаловалась ему, рассказала бы про телефонного обидчика, и муж бы со всем разобрался. И сейчас, проснувшись посреди ночи от страха, я бы просто растолкала его и попросила пойти и заново проверить все двери и окна.

С мужчиной всегда чувствуешь себя увереннее, как за каменной стеной, а уж с таким, как мой бывший... я беды не знала.

Может, пожаловаться Андрею при следующей встрече? Но он может подумать, что я истеричка с манией преследования, мы не настолько близки, чтобы открывать ему все свои проблемы и страхи.

И снова накатил ужас. “Ты ведь живешь не одна”. Мой странный преследователь, выходит, осведомлен о составе моей семьи?! О детях?! И вдруг, пока я лежу здесь, в соседних комнатах действительно бродит кто-то чужой?! Эта мысль рывком подняла меня из постели. Я включила свет, поплотнее запахнула халат, схватила со столика вазу, вытряхнула из нее декоративные цветы и перевернула, вооружившись таким образом. Если увижу кого чужого в доме – кину вазой или хрясну по башке. Все, что угодно, чтобы защититься.

Я вышла в коридор, но там было темно и тихо. Эйприл мирно спала в своей кровати, когда я заглянула к ней. Поблуждав еще немного и на второй раз проверив все окна и двери, я вернулась в постель и наконец-то смогла вновь забыться тревожным сном.

Утром меня ждали два мешка. Больших таких фиолетовых мешка под глазами – закономерный результат недосыпа. Заклеив их патчами, я растолкала Эйприл, велев ей вылезать из постели и идти в душ, если она не хочет опоздать на уроки, а сама тем временем вышла на крыльцо, чтобы взять утреннюю газету.

Стоило распахнуть дверь, как мой взгляд наткнулся на лежащую на пороге розу. На бархатных лепестках цвета густой крови серебрилась прозрачная утренняя роса, шипы казались до безумия острыми, а стебель... Длинный прочный стебель розы от бутона до места среза обвивала тонкая серебристая цепь. На самом конце ее был укреплен белый квадратик бумаги. Мое сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Сначала звонок, теперь цветок... В горле мгновенно пересохло. Я понимала, что роза сама по себе не опасна, разве что кто-то смазал ее ядом, отравляющим человека при прикосновении, но это уже совсем беллетристика и бред. Но все равно мне хотелось быстро захлопнуть дверь и спрятаться в доме, лишь бы ее не видеть.

И тут я подумала об Эйприл, о том, что дочка спустится вниз и отправится в школу и тогда тоже наткнется на этот “подарок”, если я его сейчас же не уберу. Собравшись с духом, я медленно наклонилась и аккуратно, кончиками пальцев, перевернула белый бумажный квадратик обратной стороной.

“Ступай аккуратно, девочка”, – было напечатано там крупным шрифтом.

– Твою ж мать! – прошептала я и отправилась на кухню за пакетом для мусора. Кое-как запаковав находку в пакет, отнесла и выбросила “подарок” в мусорный бак у дороги, на обратном пути как раз прихватив газету.

Что за mudak решил потрепать мне нервы?!

– Mamulya-krasotulya, ты где?

А вот и Эйприл. Как вовремя я избавилась от этой гадости!

– Привет, детка. Как ты?

– О, супер! Настроение просто бомбическое! Мне кажется, я вот-вот взлечу!

– Эйфория победы? – ласково улыбнулась я, чмокнув свою птичку и получив в ответ порцию утренних обнимашек.

– Ну, наверное. Да и вообще, вечер вчера был классный. Слушай, откуда ты знаешь этого Анджея?

– Андрея, – на автомате поправила я. – Анджей – польский вариант этого имени. Не поверишь, познакомилась прямо на твоих соревнованиях.

– Да ладно? Ты? Познакомилась? С чужим мужчиной? – округлила дочка глаза.

– Ну, с моим мужчиной, бывшим, теперь знакомятся чужие женщины, – я отвернулась, чтобы скрыть от дочки невольную гримасу боли, то и дело царапавшую меня при упоминании мужа.

– Ма, ну прости, я не хотела, – тут же все поняла моя звездочка. – Андрей вроде классный, странный чуть-чуть, но видно, что классный.

– Странный? – зацепилась я за данное вчерашнему знакомцу определение. – Почему странный?

– Ну-у, не знаю. Какой-то другой. Не похожий на всех, – путанно объяснила моя наблюдательная дочь. – Или это потому что он иностранец? Или конкретно потому что русский?

– Ну естественно, – вздохнула я. – Вот поедешь когда-нибудь в Россию, солнышко, сама заметишь, как на тебя там коситься станут. Разница менталитетов и все такое. А русские, они ж сами по себе, “необъяснимой души народ”, как сказал какой-то классик. Я тоже заметила, что он осторожничает, мало о себе говорит, но наверняка это нам просто показалось!

– Ну ок. Мамуль, а ты чего на работу не собираешься? – Эйприл уселась за стол со своим утренним капучино и половинкой грейпфрута, и я вдруг спохватилась, что и в самом деле не одета, не накрашена, да еще выгляжу как blednaya roganка. Дьявол! Меня же Катош просил сегодня не опаздывать!

Я кинулась в спальню, в спешке пытаюсь хоть немного реанимировать лицо после ночных кошмаров и утренних сюрпризов. От шутивого предложения дочки принести мне “кофе в постель” только отмахнулась суетливо – какой там кофе, по дороге схвачу в какой-нибудь забегаловке или вообще обойдусь и на работе попою.

Так, патчи под глазки, крем на зону декольте, ноготки, слава богу, в порядке. Волосы... Черт с ним, стяну в тугой узел – и аккуратно, и мне идет, как говорил му... Тыфу ты! Бабушка мне так говорила! Бабушка! Утверждала, что я похожа на балерину перед выходом на сцену. А бывшего к черту! Пусть для него его кошка танцует. Да! У меня сегодня важный день, и я не имею права раскисать от воспоминаний о нем.

Через полчаса я была полностью готова к выходу.

– Солнышко, я ухожу! С тебя...

– Помню, помню, выгулять Пич, убрать за ней какашки с газона соседки справа...

– С любого газона, Эйприл! С любого!

– Но справа особенно тщательно, остальные и не заметят или перепутают с собственными.

– Эйприл! – укоризненно покачала я головой, хватая ключи от машины.

– Мамуль, ну все будет в порядке. Я у тебя большая девочка, – расхохоталась дразнилка, мягко подталкивая меня в спину. – Да, Пич? Мы же с тобой большие воспитанные девочки? – опустила она на колени возле яростно мотыляющей задом в знак согласия мопсикси.

Сев за руль, еще раз придирчиво взглянула в зеркало – все в порядке, можно не переживать, что новый босс отшатнется в испуге при виде чучела, какой я была еще несколько минут назад. Сдала назад, вырулила на подъездную аллею и вдруг в зеркало заднего вида заметила неприметный на первый взгляд автомобиль с затемненными окнами. Он был припаркован в нескольких домах от моего. Казалось бы – что тут необычного? Но необычным было то, что ни один из живущих на этой улице ни за что не припарковался бы у дома мисс Пепкинс. Эта далеко не юная мисс славилась умением устроить скандал даже из-за пожелтевшего листа, упавшего на ее газон с соседского дерева. Что уж говорить о целой чужой машине, перекрывающей ей вид на дом ее зачатой подружки и верной соперницы миссис Стоун по выращиваемым ими обоими петуниями.

Стоило мне тронуться, как подозрительная машина медленно отъехала от бордюра. Руки тут же вспотели, а между лопатками зачесалось, будто туда заполз противный жучок. Господи-и-и, пусть это будет просто нелепое совпадение! Пожалуйста!

На перекрестке возле супермаркета машина остановилась рядом со мной в левом ряду. Отлично! Я уйду вправо, а он может только прямо. Фу-у-ух, пронесло.

Тонированное стекло пассажирского окна опустилось на пару сантиметров. И из него на серый асфальт дороги плавно спланировали алые лепестки. Машина рванула с места и первой унеслась вперед, оставив меня сидеть, вцепившись в руль дрожащими руками, пока сзади не начали сигналить, потому что на светофоре загорелся зеленый.

На работу я приехала вовремя. Что было удивительно, потому как я просто не помнила, куда сворачивала и как умудрялась вовремя притормозить на перекрестках. Припарковавшись возле офиса и заглушив двигатель, я откинулась на спинку и прикрыла глаза. Что, черт возьми, происходит? Неужели мне мало выпавших за последние месяцы испытаний? Откуда и за что мне еще и это?

Резкий стук в окно заставил испуганно распахнуть глаза и всхлипнуть при виде огромной тени, заслонившей солнце.

Дьявол! Всего-навсего недовольный Катош, а я уж подумала невесть что.

– Тания, время, время! Некогда расслабляться! Через двадцать минут приедет ваш новый босс и наш новый сотрудник. Бегом, бегом!

Собравшись с силами, я выбралась из машины и вымученно улыбнулась.

– Доброе утро, Айзек. Я как раз успею выпить кофе.

Почти не обращая внимание на бухтевшего что-то всю дорогу до офиса эйч-ара, я судорожно перебирала в памяти все то, чему меня в свое время учил муж: не разговаривать с незнакомцами, не принимать никаких подарков от курьеров, не отвечать на звонки со скры-

того номера, запоминать номера подозрительных машин... Дура! Ну почему я не запомнила номер той машины?

– Какой машины?

– Что, простите? – сморгнула я, очнувшись у дверей своей каморки.

– Вы что-то сказали про машину?

– А, нет, простите, это я о своем. Волнуюсь немного, – передернула я плечами.

– В общем, будьте наготове, я вас приглашу. И кофе пейте в темпе, – покачал головой Катош и величественно уплыл в сторону кабинетов руководства.

Кофе был безвкусным. Горячим, но совершенно безвкусным. Или это я так давно не пила кофе из автоматов, или это от нервов. Второе вернее. Вряд ли наш вездесущий Айзек позволил бы случиться первому – кто угодно мог его ругать за занудство и дотошность, но в том, что касается обеспечения персонала хорошим кофе, любителем коего являлся и сам, Катош был на высоте.

От звонка на внутренний телефон я вздрогнула и посмотрела на него как на ядовитую змею, но на дисплее высветился номер персонального ассистента шефа.

– Миссис Галлахер, вас приглашают.

– Спасибо, уже бегу.

Возле двери в кабинет шефа я еще раз кинула взгляд на собственное отражение в стеклянной поверхности офисной перегородки – вроде все в порядке: помада не размазалась, волосы не выбились из пучка, пуговицы блузки наглухо застегнуты. Можно входить.

Коротко постучав, я открыла дверь и чуть не зацепилась за порожек, увидев знакомое лицо прямо напротив входа.

– Вот, мистер Zhukov, знакомьтесь, это и есть Тания – ваш личный ассистент и переводчик на время контракта. Не пожалели для вас, так сказать, лучшие кадры.

– Оу! Это есть чудесный! Прелестный! Та! Мне так приятный! Тайна? Какой интересный имя! – безбожно коверкая слова и будто бы нарочно ставя ударение в неправильных местах, воскликнул Андрей. Наш вчерашний галантный кавалер и изумительный собеседник, развлекавший нас накануне весь вечер на прекрасном английском, подскочил со своего места и кинулся ко мне с протянутыми руками так энергично, что я даже попятилась. – Отшен, отшен приятный, – потряс он мою ладошку в приветственном жесте.

Глава 6

В странных ситуациях я, в отличие от бывшего мужа, теряюсь. Просто не знаю, как на них реагировать. Вот и сейчас я лишь растерянно хлопала глазами в попытке принять решение – то ли верить своим воспоминаниям о вчерашнем вечере, то ли нет. Если не верить, то все окей, конечно, и взаимно “отшен приятный”. А если верить?

Скандал на людях – моветон и zhlobstvo, говаривала бабуля. Поэтому любые разборки полетов всегда происходили в нашем доме при закрытых дверях. Ну а раз уж Андрей успел накануне приобщиться, так сказать, к моей семье, то с ним я тоже дождусь разговора тет-а-тет, и в этот раз отмолчаться у него не выйдет!

– Взаимно, мистер Zhukov. Позволю себе поправить, мое имя Тания.

– Тания? – удивленно приподнял бровь “босс”. – Очень похоже на русское имя Таня.

– А я разве не так сказала? – так же удивилась я.

– Это все на самом деле не так уж важно, коллеги, – прервал нашу фонетическую дискуссию Айзек, недовольно зыркнув в мою сторону. – Предлагаю приступить к знакомству с нашей компанией вживую, так сказать. Тания, переводите, пожалуйста, будем экономить наше время, – и добавил вполголоса: – я по три раза одну и ту же фразу разными, максимально простыми словами не собираюсь ему растолковывать.

Очевидно, это было сказано в расчете на то, что “русский специалист” ее не услышит и вряд ли поймет.

То, что Андрей ее и услышал, и понял, было видно только мне, ведь накануне я обращала внимание на его мимику и даже почему-то научилась различать некоторые эмоции. Вот и сейчас на его лице мелькнула некая тень чего-то, больше всего похожего на довольную улыбку.

Так значит, мистер Zhukov, хотите попритворяться ничего не понимающим valenkom? Ну ладно, подыграю. Пока подыграю.

Следующие два часа я просидела рядом с Андреем, вполголоса переводя ему то, что решило нужным озвучить на ознакомительной встрече руководство. При этом сей... хитрец – пусть пока будет так – умудрялся иногда поправлять меня, когда я ставила неправильно ударение или выдавала неверно подобранное слово в переводе. И все это с совершенно невозмутимым видом, будто так и надо!

А после совещания вместе с Айзеком ходила и представляла нового Технического директора всему заинтересованному персоналу. Максимально заинтересованными оказались наши незамужние маркетологи и специалисты документарного обеспечения. Я бы не удивилась, если бы оказалось, что “совершенно случайно” некоторые из них принесли сегодня на работу “собственноручно” испеченные овсяные печенья и вездесущие маффины – угостить по-соседски. Только вот мое присутствие и максимальная сосредоточенность новенького на том, что я говорю, мешала нашим дивам применить все инструменты обольщения в первый же день.

Наконец подошло время ланча.

– Где я есть поесть? – как бы невзначай поинтересовался Андрей у Айзека, заглянувшего в техотдел с очередной инспекцией.

– О! Тут совсем неподалеку есть масса небольших уютных кафе и ресторанов. И, конечно, знаменитый во всем мире и всеми любимый Мак. Тания, переведите бедолаге и сопроводите обязательно, еще не разберется в меню, а завтра будет животом маяться.

– Всенепременно, мистер Катош. Всенепременно, – пообещала я, от злости дернув ноздрями. Дьявол! Мои любимые сорок минут дневного расслабона, которые я предпочитала вздремнуть или позаниматься растяжкой в своем закрытом кабинете, я теперь вынуждена

буду проводить с этим... как я там решила пока его называть? хитрецом! Ну ничего, как говорится в одной русской пословице – “На каждый Khitry Khuyu найдется Shopa Sfintom!”

– Я настаиваю на том, чтобы вы объяснились, Андрей! – выпалила я, как только мы вышли за пределы офиса.

– Тш-ш-ш, Татьяна, тут слишком много лишних ушей. Полагаю, им покажется подозрительным, что в первый же день новый техдиректор и его ассистент громко ссорятся под окнами офиса. Мне бы показалось, – он мягко улыбнулся и вежливо указал рукой: – Прошу вас, ведите меня во всемирно известный ресторан Мак. Или вы предпочитаете KFC?

– Я? Боже упаси! Я лучше голодная останусь, чем буду есть это... Но вы правы. Здесь я руки в боки упирать не стану. Но как только мы отойдем, я шагу не ступлю, пока не услышу внятное объяснение происходящему.

– Вы такая красивая, когда сердитесь, – все так же мягко улыбался Андрей, даже не глядя при этом на меня, а жмурясь на яркое полуденное солнце. – Вам идут эмоции. Вы будто оживаете, загораетесь и светитесь изнутри, как лампочка. Но я, наверное, не должен теперь говорить вам комплименты, ведь мы с вами, как оказалось, работаем вместе, а в американских компаниях не приняты слишком тесные отношения между коллегами, верно?

– Андрей, я прекрасно знаю этот прием. И как мать двоих нереально смысленных детей сразу вам объясняю – заговорить зубы не получится. От офиса мы отошли на достаточно приличное расстояние. Никто не увидит и не услышит. Я жду.

Я даже притормозила возле одной из уличных скамеек, намекая на то, что усядусь прямо здесь, если он на ответит на мой вопрос.

– Ох, Таня, это не совсем мой секрет и...

– Андре-е-ей, – с легкой угрозой в голосе протянула я.

– Ну ладно, ладно, – вскинул он руки в “я-сдаюсь” жесте. – Все дело в том, что мою кандидатуру ваша сторона изначально забраковала – мол слишком молодой, опыта маловато, мы поищем кого-то получше. Нашли какого-то поляка, который взвинтил цену на свои услуги вдвое против моего, да еще и затребовал полный пакет – обеспечение жильем, машиной, подъемные, питание и наличие личного ассистента. А когда ему прислали документацию, оказалось, что он не тянет проект. Вообще не тянет. А я тяну. Потому что я только по паспорту молодой, а мозгами уже очень и очень взрослый. Так что когда ваш Ковальски снова обратился ко мне, я сказал, что теперь согласен только при тех же условиях, что были согласованы Штефану: зарплата выше плюс соцпакет. Да еще и кабинет отдельный затребовал. Страсть как не люблю, знаете ли, эти американские опен-топы. Не понимаю, как вы вообще можете в них эффективно работать – ведь сосредоточиться совершенно невозможно. Ну что, мир?

– А причем тут я?

– А при чем тут вы? – удивился Андрей. – Не мог же я сказать, что персональный ассистент мне не нужен вообще, я ж закусил, что называется. А какое может быть основное оправдание для наличия помощника в моем случае? Что я недостаточно бегло говорю на английском. Недостаточно для устных переговоров, с письменным у меня полный порядок, ведь составленную мною документацию и переписку со мной они помнят прекрасно.

Прищурившись, я пронзила его долгим пристальным взглядом. Что-то в объяснениях Андрея казалось мне... принужденным, искусственным. С другой стороны – если отбросить эмоции и мыслить рационально, все выглядело вполне оправданно. Мужская гордость, заде-тое пренебрежением противоположной стороны самолюбие могли вполне привести к такому решению со стороны Андрея. А ведь он еще и русский. Следовательно, плюсом сверху идет “необъяснимая душа”.

Я вздохнула. Да, нужно признать, что ночной звонок и преследования со стороны неизвестного мне otmorozka здорово увеличили мою подозрительность. А на самом деле все вон как просто объясняется.

– Ладно, – буркнула я. – Мир. Пойдемте уже поедим, раз вышли.

Я снова убедилась в том, что Андрей – прекрасный собеседник, в разговоре с которым можно затронуть любую тему – от политики и истории до анекдотов и забавных историй, приключившихся наяву. Он не боялся показаться смешным, не выпячивал свое мнение, ловко обходил острые углы и не давил собственным мужским превосходством. Бабуля наверняка назвала бы его прекрасно воспитанным молодым человеком. А кстати...

– Андрей, простите за личный вопрос, а сколько вам лет?

– Хм, говорят, мужчине столько лет, насколько он себя чувствует, – незамедлительно отреагировал босс, будто ожидал этого вопроса. – Слышал еще и второй вариант: мужчине столько же лет, сколько женщине, которая его любит. Учитывая, что единственная женщина в данный момент, любящая меня искренне и безусловно, моя мама, лет мне немало. Собственно, и чувствую я себя так же. Но я все же отвечу прямо на ваш вопрос – мне двадцать восемь.

– Сколько? – поперхнулась я. – Простите, не хотела обидеть, но...

– Что? Так плохо выгляжу?

– Нет, нет, прекрасно. Но мне, и правда, показалось, что вы значительно старше.

– Ой, да не переживайте. Мужчинам по большому счету это не так важно. Верно? Ну и продолжая тему возраста, хочу сказать, что ваш любимый мужчина по идее должен выглядеть как студент университета, – и он выжидательно уставился на меня.

– Я... я бы не очень хотела затрагивать эту тему. Но раз уж мы все равно работаем вместе и вы рано или поздно узнаете это, скажу сама. Я в разводе. Полгода как... – я запнулась и от того, что не знала, как умудриться сглотнуть подступивший к горлу ком и тот неожиданного прикосновения.

Рука Андрея была сухой и теплой. Он слегка сжал мою ладонь и тут же выпустил, словно устыдившись своего порыва.

– У нас говорят “если невеста ушла к другому, еще неизвестно, кому повезло”. Простите, что затронул болезненную для вас тему. Если что – у меня с собой есть настоящая русская водка, привез на всякий случай. У вас тут такую не делают. Так что как только захотите напиться от радости – обращайтесь. Все-таки качественный натур продукт и дружеское участие намного лучше антидепрессантов и безличных вопросов даже самого дорогого психолога. И сработает, поверьте, намного эффективнее. Не пора ли нам, кстати, закругляться с обедом?

Я, спохватившись, глянула на лежавший на столе мобильный. Верно! Мы уже почти опаздываем! Катош будет очень недоволен.

До самого офиса мы практически уже не разговаривали. А перед входной дверью Андрей распахнул передо мной створку и воскликнул:

– Карашо! Супер-супер карашо! Здесь, в Америка, бургеры совсем карашо, не так плохо, как в Россия.

Ну вот, а я чуть было не запамтовала, что он у нас русский недотепа.

Створки лифта почти закрылись, когда в них просунулась мужская рука с планшетом курьера службы доставки.

– Простите, сэр, мэм, срочная доставка, – выпалил запыхавшийся паренек, боком протискиваясь в лифт. – Не подскажете, на каком этаже находится...

Я не слышала, что он дальше говорил. Мне казалось, что я внезапно оглохла – в руках курьер держал букет алых, как запекшаяся кровь, роз. Точь в точь таких же, как найденная утром на крыльце собственного дома.

Умом я понимала, что нахожусь на рабочем месте, в окружении множества людей, и здесь мне бояться совершенно нечего, но в голове так и билось рефреном: “Он меня и здесь нашел. Нашел. Он знает даже место моей работы”. Я вжалась в стену лифта, словно букет роз был бомбой, готовой вот-вот взорваться и разнести в клочья нас всех здесь присутствующих.

Осознала я себя в тот момент, когда обеспокоенный Андрей пощелкал перед глазами пальцами и по-русски спросил:

– Таня, вам плохо? Вы так побледнели.

– Простите? Что? – проговорила я по-английски.

– Я говорю, не подскажите, как мне найти миз ТиДжи? – обратился ко мне парень-курьер, и судя по выражению его лица, этот вопрос он задавал уже повторно. Его явно раздражало, что не удастся ничего добиться с первой же попытки. Наверняка впереди еще куча адресов, и по всем надо успеть.

ТиДжи? Тания Галлахер? В моей голове шумело.

– Не надо искать. Это я, – побледневшими губами прошептала я.

– Какие прекрасные цветы... – с улыбкой протянул Андрей. – У вас появился поклонник?

Я перевела на него взгляд. Что-то мелькнуло в глазах Андрея... что-то такое, словно он наслаждался ситуацией и с любопытством наблюдал за тем, как я выкручусь из положения. Хотя нет – прошла секунда, и на лице Андрея осталось лишь вежливое выражение, как и положено человеку, присутствующему при процедуре дарения цветов даме. Похоже, это у меня просто сдают нервы.

– Распишитесь, миз, – шмыгнул носом курьер, протягивая мне планшет.

И тут внезапно меня пронзила догадка, и я встряхнулась.

“Миз”? (универсальное обращение, когда точно не известно семейное положение женщины. Прим. Автора)

Мисс ТиДжи. Дьявол! Трейси Грант! Одна из девочек-маркетологов. Не я!

– Третий отсек по левой стороне. Спросите там, – пошатываясь на неверных ногах, я доползла до своей каморки. – Андрей, у меня есть несколько минут на то, чтобы привести себя в порядок после обеда?

– Разумеется, миссис Галлахер. А я пока догоню курьера, он, кажется, что-то выронил. – Андрей повертел в руках явно поднятый с пола белый бумажный квадратик, и меня вновь бросило в дрожь – точной такой же клочок бумаги был прикреплен к моему утреннему “подарку”.

Лоб Андрея между бровями пересекла глубокая вертикальная морщина. Может, ему не понравилось, что “мой” букет отправился другой? Или он действительно просто переживал, что незадачливый курьер выронил что-то, принадлежащее адресату?

– Что там написано? – спросила я и кивком указала на записку, запоздало подумав, что невежливо как-то интересоваться содержанием чужих записок.

Андрей лишь пожал плечами, сунул бумагу в карман и размашистым шагом ушел.

Глава 7

Чтобы не думать о плохом, я предпочла с головой погрузиться в работу, и несколько следующих дней прошли интенсивно и хлопотно в смысле количества свалившихся заданий, но вполне спокойно в другом плане. Никто не звонил и не присылал больше странных “подарков”, и я начала верить в правильность выбранной тактики игнора, благодаря которой шутнику, кем бы ни был, просто надоело надо мной издеваться.

Эйприл, которая была и вовсе не в курсе моих переживаний, порхала между школой и танцами беззаботным мотыльком, и я радовалась, что у нас с дочкой все складывается вполне неплохо.

Здесь, в Портленде, штат Мэн, куда мы переехали всего пять месяцев назад, Эйприл жутко волновалась, что не найдет себе нормального партнера по танцам. За последние годы они так сдружились с Грегором, ее бывшим напарником, что их взаимопонимание стало неоспоримым преимуществом на любых состязаниях. И расставаться с приятелем ей было очень трудно. Но нам и в этом повезло. Адам, у которого его постоянная партнерша совсем недавно окончательно ушла из танцев, с первых же тренировок показал себя идеальной кандидатурой для моей звездочки. Они спелись моментально. Нет, никаких романтических настроений – просто два амбициозных подростка, мечтающих о победах, нашли друг друга. И это было и удивительно, и невероятно приятно – видеть, как твой ребенок так упорно стремится к достижению поставленной самой себе цели.

Любовь к бальным танцам у дочки проснулась в столь раннем возрасте, что нам с мужем это казалось просто очередным кружком, который Эйприл забросит через пару месяцев. Но она неожиданно втянулась. Ей понравилось. И с тренером нам очень повезло – строгая, требовательная, не дающая им спуска, но при этом удивительно деликатная и внимательная ко всем своим воспитанникам. Она не только учила их танцевать, она требовала от мальчишек надежности и умения удержать партнершу в самой сложной ситуации, а от девочек – гибкости и способности подстроиться под того, кто ведет рисунок танца. В отличие от многих тренеров миссис Роуз приветствовала «качалку» для парней и посещение любых танцевальных дополнительных кружков девушками.

– Чтобы испортить то, что я уже сделала с вами, надо как следует постараться, – усмехалась она. – А вот обрести настоящую гибкость и легкость на сцене, не затренированную, а идущую спонтанно, классические бальные танцы не помогут. И пусть мне возражает весь состав жюри международного конкурса, я уверена в своих словах. Пойдите на любую дискотеку, посмотрите, как танцуют наши «балльники»! Видели? Вот и я не видела. Они тупо жмутся к стенке и не отвечают. А знаете почему? Потому что не могут вести себя раскованно и естественно! Они пытаются встать в нужную позицию или изобразить правильный батман, когда надо просто поймать волну вот этого «тыц-тыц», Иисусе, и дрыгаться в такт на мягкой, расслабленной мышце. А вы не умеете. Вот идите и учитесь. Но не у меня!

Моя Зая была послушной девочкой. Поэтому мы перепробовали все – и йогу, и пилатес, и джаз-модерн, и хип-хоп, и вог. Но больше всего ей пришлось по душе, как ни странно, восточные танцы, так называемый «Белли-денс».

Нет, ни в каких отчетных концертах она участия не принимала – хватало нам и классики. Но дважды в неделю умудрялась после интенсивной тренировки смотаться еще «потрусить попой», как она сама выражалась.

Перед прошлым конкурсом ребята тренировались как сумасшедшие. Выпускной класс у обоих, а у них ежедневные тренировки по три-четыре часа. А в выходные дважды в день – утром и вечером. Ни праздников, ни больничных – нельзя, надо успеть подготовиться, надо

поразить публику, надо победить! Я с изумлением и гордостью наблюдала за тем, как моя Зая-Ляля как стойкий оловянный солдатик по будильнику встает ежедневно в пять утра, чтобы до школы успеть самостоятельно размяться, потянуться, в тысячный раз отработать очередное движение, сорок минут в приличном темпе побегать на дорожке – один из немногих предметов-напоминаний о прошлой жизни, который я забрала после нашего развода с ее отцом.

Поэтому в очередную субботу я не стала напрягать дочку просьбой съездить со мной в супермаркет и помочь закупить продуктов на предстоящую неделю. Приучать детей помогать по хозяйству важно и нужно, но в нашем случае Эйприл будет полезнее отдохнуть, она у меня и так не лентяйка.

В “Уолмарте” я провела целых три часа, неторопливо прохаживаясь между полок с тележкой и планируя список покупок так, чтобы умудриться купить на имеющиеся деньги все необходимое и при этом не забыть чего-нибудь вкусенького “для души”. Когда с полным багажником пакетов и чувством выполненного долга я вернулась домой, то оставила машину на подъездной дорожке и направилась к крыльцу, чтобы позвать Эйприл и вдвоем занести продукты на кухню.

Стоило распахнуть входную дверь, как до меня из кухни долетели звонкие голоса. Моя дочурка заливисто хохотала, а мужской голос в это время договаривал фразу:

– И тут они обратили внимание, что одна лошадь черная, а другая – белая.

Стоп. Мужской голос?!

“Фергал” – на мгновение вспыхнуло в моей голове. Он вернулся!

Но я тут же одернула себя. Мужа я бы узнала по-любому, а этот голос был...

Я сделала несколько стремительных шагов в сторону кухни и ворвалась туда.

– Здравствуй, Андрей.

Мой новый босс и моя дочь сидели за кухонным столом, склонившись друг к другу, и при моем появлении отпрянули. Я быстро окинула взглядом чайные чашки, блюдо с остатками какой-то выпечки, порезанные фрукты. Эйприл, конечно, молодец, что организовала угощение для гостя, но вот только...

Я ведь не давала свой адрес Андрею, и мы не договаривались о визите.

– Мам, – протянула моя Зая, – ты что такая бледная? На тебе лица нет.

– Здравствуй, Таня, – в свою очередь отозвался мой босс. – А я вот gostincy вам принес. Из России. Вчера одну часть уже раздал по знакомым и подумал, что вы-то уж точно будете рады получить культурный презент.

– Gostincy?! – переспросила я.

– Тульский пряник. – Андрей широким жестом указал на порезанное на блюде мучное изделие. – А еще varenye.

– Это как наш джем, мам, – с готовностью подсказала Эйприл. Глазки у нее сияли. – Только более густой.

Я перевела на нее взгляд.

– Милая, сходи в машину, помоги принести пару пакетов. Тяжелые не бери, я сама.

– Так давайте с тяжелыми я помогу! – тут же поднялся с места Андрей. – Для чего в доме нужен мужчина?

И прежде чем я успела как-то отреагировать, он уверенной походкой прошел мимо меня и отправился вместе с Эйприл вынимать покупки из багажника моей машины.

Честно говоря, когда бабушка рассказывала, что у русских так принято – взять и заявиться внезапно в гости, я недоумевала. И что они редко когда разводят церемонии на тему званых обедов или ужинов, и что длительные согласования времени визита у них не в чести я тоже помнила по бабулиным воспоминаниям. Чисто по-дружески zaskochit na чай. Что, собственно, и провернул Андрей.

Я вздохнула.

Дело не в том, что мне было неприятно общение с этим молодым человеком. Нет. Приятно. Даже очень. И босс он замечательный – вежливый, обстоятельный, ни разу не повысил голос ни на одного из наших коллег, его подчиненных. И задания давал четкие, очень коротко и грамотно сформулированные, и на похвалу не скупился, и ругал предельно корректно, да такими словами, что невольно хотелось побежать и срочно все переделать. Это по работе. А вот в тех редких ситуациях, когда я оказывалась с ним наедине, я чувствовала себя слишком скованно. Какими бы искренними ни были его комплименты в мою сторону, я все же старовата для него. Или он слишком молод для меня?

– Мамуль, ты прямо капец как загрузила себя. Почему меня не разбудила? – возмутилась дочь, с пыhtением затаскивая объемные пакеты. Правильные выбрала, они хоть и большие, но легкие, есть там и потяжелее покупки.

– Татьяна, я понимаю, конечно, что даже рожденная в Америке русская справится и с деревянным домом, и с лошастью, но, право слово, хоть бы намекнули. Я бы с радостью помог, все равно в выходной делать нечего. Пока нечего, – добавил он, аккуратно опуская тяжелую сумку на пол. – Так что просто не стесняйтесь обращаться, если нужна помощь. Я с радостью.

– Серьезно? Вот так запросто? – удивилась Эйприл. – У вас так принято?

– У кого, у нас?

– Ну, у русских.

– Я грешным делом подумал, что вы о мужчинах, – подколот в ответ Андрей. – Не могу говорить за всех вообще, но в моем окружении, там, дома, мы сперва обратимся за помощью к друзьям.

– И что? Вот прямо все помогают? Во всем? А если не умеют?

– Знаете, мы привыкли к тому, что мы умеем все, – для верности покивав головой и даже будто слегка надув щеки, ответил босс. – Машина не заводится? – Айда с друзьями в гараж – вместе точно пойдем, что с ней не так. Надо переклеить обои в квартире? – Паратройка звонков, пара вечеров с пивом, и обои висят. Может, кое-где отстают, зато сами, своими руками.

– Зубы лечите так же? – недовольная поворотом разговора нахмурилась я. – У друзей в гараже?

– Ну, так уж утирывать не надо. Здесь работает другая схема. Сперва мы звоним друзьям, потом они звонят своим друзьям, те своим. И в конце-концов выясняется, что друг друзей подруги – вуаля – стоматолог! И, к счастью, у него совершенно случайно есть свободное окошко, чтобы принять подругу друзей друга.

– Кру-у-уто, – с восхищением выдохнула Эйприл. – Я столько всего разного слышала о России, а вот такое первый раз. Даже захотелось туда съездить.

– Эйприл... – предостерегающе взглянула я на дочь.

– Конечно! Разумеется! Обязательно приезжайте, вам понравится в России. Уверен в этом. Уж не знаю, насколько сложно вам, американцам, сделать российскую визу, но все, чем могу поспособствовать, сделаю для вас с превеликим удовольствием.

– А с девушками у вас как? – вдруг протянула моя хитрюга.

Я моргнула, пригляделась повнимательнее... еpat-kolotit! Да никак у моей красавицы глаз загорелся? И вся такая приосанилась, глазками стреляет, из девочки – за секунду в юную женщину превратилась.

Я впервые осознала, что моя дочь взрослеет. И вот-вот вылетит из гнезда в свою интересную молодую жизнь, наполненную мальчиками, свиданиями и всем этим “в первый раз”. Все правильно, все так и должно быть, только при мысли об этом мучительно больно, что детство у нее почти прошло, и скоро твоя кровиночка совсем повзрослеет.

– Что с девушками? – переспросил Андрей и тем самым отвлек меня от раздумий.

– Ну, как знакомятся? – с улыбкой поинтересовалась Эйприл.

– Да бывает, что и просто: идет красивая девушка по улице, остановил ее парень, разговорились, телефонами обменялись. А бывает, как в одном старом советском фильме: на почве общности студенческих конспектов, – пояснил наш почти уже друг семьи.

– А на сайтах знакомств? – округлила глаза дочь.

– И там тоже, – почесал Андрей переносицу и вдруг как-то помрачнел. – Но там реже. Все-таки живое общение больше приветствуется. На работе еще познакомиться могут, – тут он стрельнул в меня лучистым взглядом. – Служебные романы хоть и не сильно приветствуются, но харрасментом это никто не сочтет.

Я перехватила его взгляд, растянув губы в улыбке, а сама невольно задумалась. На все вопросы о личной жизни или общении с девушками у себя на родине и в целом Андрей отвечал с какой-то неохотой. Как будто боялся сболтнуть лишнее или же хотел что-то скрыть. И этот его визит с gostintsamu внезапный... Складывалось впечатление, что крепко его наша семья зацепила. Или это я опять себя на ровном месте накручиваю?

– То есть, раньше вас за харрасменты не привлекали? – ляпнула я не подумав, потому что эта мысль как-то сама собой из головы соскользнула на язык.

Эйприл рассмеялась, сочтя мои слова шуткой, а Андрей, напротив, улыбаться перестал.

– Разве я произвожу впечатление такого человека? – с некоторой обидой в голосе спросил он.

– Нет! – ответила за меня Эйприл, я и рта не успела раскрыть. – Нет, что вы! Вы совсем не такой! Вы... такой веселый. Такой... русский!

Она тут же очаровательно покраснела, а я предпочла промолчать, ответив лишь вежливой улыбкой. У Андрея тренькнул телефон, он вытащил аппарат из кармана, просмотрел сообщение, а затем стремительно поднялся из-за стола.

– Извините, леди, неотложное дело. Вынужден попрощаться.

– Уже?! – с искренним огорчением протянула дочь.

Но Андрей поспешил к выходу и после краткого прощания покинул наш дом.

– Mam, мне кажется, он на что-то обиделся... – вздохнула Эйприл.

Я пожала плечами.

– Да нет, доченька. Просто спешит человек. Дела.

Глава 8

Двадцать с лишним лет назад.

– Простите, я спешу, – попыталась я обойти высокую мужскую фигуру.

– Что, настолько, что даже нет времени сказать свое имя?

– Извините, говорить свое имя незнакомцу на улице – плохая идея.

– Это точно. Далеко не такая уж и хорошая. Но еще хуже – с такими ножками бегать через парк в сумерках.

– Простите, я правда спешу. Меня бабушка ждет.

Парень запрокинул голову и заразительно рассмеялся.

– Бабушка? Боги, детка, ты откуда такая взялась? Из сказки? Про Красную шапочку? А если Волка встретишь, что делать будешь?

У него были такие невыносимо классные ямочки, а когда он хохотал, кадык на горле перекачивался так... странно волнующе, что я не смогла удержать улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.